

ГЛАВА 1

ДЕТСТВО И ОТРОЧЕСТВО ПОД СЕНЬЮ КАТОЛИЧЕСКОГО ВОСПИТАНИЯ

«Гордый, недисциплинированный», — говорят о нем люди посредственные, обращаясь с чистокровным жеребцом, как с клячей, которая отказывается идти вперед, совершенно не осознавая, что резкость характера является обычной чертой мощных натур, что опираться можно только на то, что оказывает сопротивление.

Шарль де Голль. На острие шпаги

В детстве формируются модели поведения, которым человек будет следовать всю жизнь. Отчий дом, ближайшие родственники собственным примером и семейными «легендами» создают базовые оси X («откуда я?») и Y («где я?») в декартовой системе координат ребенка, а уже самостоятельный опыт подарит дополнительную сферическую детерминанту Z («чего я хочу?»), что в благоприятном случае даст ответ на основной вопрос «кто я?».

Перед тем как внимательно проследить жизненный путь Шарля Андре Жозефа Мари де Голля, который впервые увидел мир между тремя и четырьмя часами утра 22 ноября 1890 г., необходимо заглянуть в его генеалогию, поскольку она была основополагающей в семейной легенде, которая позволяла роду де Голлей гордо шагать по жизни, несмотря на некоторые личные финансовые трудности и последствия поражения в Франко-прусской

войне 1870—1871 гг., когда Республика потеряла экономически развитые Эльзас и Лотарингию, а нация воспылала реваншистскими настроениями относительно Германии.

Фамилия «де Голль» (фр. *de Gaulle*), безусловно, этимологически связана с римским названием территории, заселенной кельтским населением, — Галлии (фр. *La Gaule*). Такое объяснение импонировало де Голлям не только исторической давностью, но и тем, что в переводе с кельтского означало «сильный, могущественный». На закате XIX в. лингвистические аргументы не были в моде (следовало подождать еще десять лет до триумфа Фердинанда де Соссюра), чего не скажешь об исторических, поэтому маленький Шарль намного чаще слышал от отца, Анри де Голля, который, будучи преподавателем иезуитского коллежа, слыл прекрасным рассказчиком, о легендарном Ришаре де Голле, которому французский король Филипп Август за верную службу пожаловал ленное владение в Эльбеже¹. Настоящей «звездой» предстал и храбрый участник Столетней войны шевалье Жан де Голль, правитель Орлеана. В 1406 г. с отрядом арбалетчиков он переправился через Сену и штурмовал Шарантон, а в 1413 г. король Карл VI поручил ему защиту ворот Сен-Дени, которые осаждал герцог Бургундский (ирония судьбы — в 1870 г. их будет защищать его потомок, Анри де Голль).

Но поистине судьбоносным стал поступок Жана де Голля после французского поражения при Азенкуре в 1415 г., о чем есть упоминание в хронике.

Когда англичане захватили Нормандию, король Генрих V позвал шевалье к себе на службу, но тот, несмотря на потерю родовых имений и привилегий, гордо отказался². Пусть и ограбленный, но не сломленный, он поселился в Бургундии, и до XVIII в. имя де Голлей не фигурировало в книгах по французской истории. Но как знать, не стала ли его бескомпромиссность примером для Шарля де Голля 18 июня 1940 г., когда, несмотря на пораженческое поведение правительства и генералитета, он решил в одиночку поднять и нести французское знамя?

К началу XVIII в. предки де Голля превращаются из «дворянства шпаги» в «дворянство мантии», то есть служат короне не столько на поле брани, как в разветвленной системе администрации. Справедливости ради необходимо подчеркнуть, что французский бюрократический аппарат того времени считался лучшим в Европе. Наместники, советники парламентов и судебных учреждений, адвокаты и прокуроры — фигуры не героические, но без них государственная машина остановится. И, переехав в Париж в середине XVIII в., де Голли рьяно служили винтиками этого механизма, который представлялся современникам непобедимым.

Но пришел 1789 г., началась Французская революция. Советник парижского парламента Жан-Батист-Филипп де Голль разорен и вскоре оказывается за решеткой³. От верной гибели его спас Термидорианский переворот 1795 г., а приход к власти Наполеона Бонапарта открыл перед уязвленным в лучших

побуждениях чиновником-дворянином новые горизонты. Ему посчастливилось стать директором военной почты Великой армии, что было очень престижно. Следовательно, де Голли утвердились в монархических воззрениях и даже на некоторое время стали идейными бонапартистами. Кстати, Жан-Батист-Филипп де Голль — это прадедушка Шарля де Голля по отцу.

Один из сыновей Ж.-Б.-Ф. де Голля и дедушка Шарля де Голля, Жюльен-Филипп де Голль, в юности услышал воззвание Наполеона Бонапарта во времена Ста дней (1815 г.), что предопределило его судьбу — он стал первым историком в семье. Из-под пера этого выпускника Парижской школы хартий вышли такие труды, как «Новая история Парижа и его окрестностей», «Жизнь Людовика Святого», «Жизнеописание пейзажиста господина Бидо». Но особый интерес представляет выбор этим господином спутницы жизни, которой стала представительница финансовой аристократии Лилля — Жозефина Мэйо. Что очень странно для женщины середины XIX в., Жозефина также была историком и очень продуктивной писательницей. Названия ее сочинений занимают восемь страниц каталога Национальной библиотеки Франции, и в этом она намного превзошла своего супруга. Будучи всесторонне образованной, мадам де Голль пыталась донести свои знания читателям, прежде всего детям. В ее наследии можно отыскать как историю северных железных дорог и аннотированную библиографию фран-

цузской литературы XIX в., так и нравоучительные рассказы и пьесы для детских учреждений. Среди прочего ее перу принадлежит прекрасная биография Рене де Шатобриана, которым впоследствии восхищался ее известный внук. То есть, по меткому выражению журналиста Алдана Хатча, «Шарль де Голль получил двойную дозу исторического вируса»⁴.

У Жюльена-Филиппа и Жозефины родилось трое сыновей — Шарль (1837—1880), Анри (1848—1932) и Жюль (1850—1922), каждый из которых по-своему прославился. Шарль стал специалистом по бретонской литературе и даже написал трактат на гэльском языке «Воззвание к кельтам»⁵. Интересно, что во время поездки в Кэмпер (Бретань) 2 февраля 1969 г. президент Республики будет цитировать своего дядю на гэльском языке и акцентировать внимание на региональной специфике Бретани⁶, хотя это ему было нужно для региональной реформы. Жюль де Голль, создав «Каталог перепончатокрылых Франции» и описав более 5 тыс. ос и пчел, стал известным энтомологом⁷.

Отец будущего президента, Анри де Голль, родился в год свержения монархии и провозглашения во Франции Второй республики. Его юность пришлась на амбициозный период Второй империи, когда Наполеон III пытался вернуть Франции былое величие. Но ни победа в Крымской войне, ни активное участие в объединении Италии, ни блестящая колониальная экспансия не спасли империю от коллапса, вызванного Франко-прусской

войной. Кроме общенационального позора, эта война имела и личностные последствия для Анри. В 1870 г. Анри де Голль стал сержантом Мобильной гвардии департамента Сена. Его части доверили оборону Браны Сен-Дени, и во время противостояния осаде Анри неоднократно вспоминал, что его предок Жан де Голль в далеком XV в. уже был на этом посту⁸. Французское поражение имело тяжелые последствия для юноши. Огромным ударом для него стал расстрел коммунарами в 1871 г. отца Оливена⁹, который в свое время был его учителем в коллеже на улице Вожирар. Допущенный в престижную военно-инженерную Политехническую школу, Анри де Голль отказался от карьеры офицера, предпочтя должность мелкого чиновника в префектуре Сены. Но и на этом месте долго не продержался, начав с 1884 г. преподавать в частных католических учебных заведениях. Можно с уверенностью сказать, что Анри «нашел себя» в иезуитском коллеже Непорочного зачатия на улице Вожирар в Париже, где знакомил слушателей с литературой, философией и математикой¹⁰. Среди его учеников были известные в будущем генералы де Ляттр де Тассиньи и Леклерк.

Остепенившись, Анри де Голль в 1886 г. создал семью со своей кузиной Жанной Мэйо, породнившись с этим родом уже во второй раз. Родители Жанны — Жюль-Эмиль Мэйо и Юлия Дэлано-Мэйо (кузина Жозефины де Голль), несмотря на давние германские и ирландские корни, принадлежали к финансовой аристократии Лилля. Жюль-Эмиль до же-

нитьбы изучал в Англии технологию производства тюля, тогда еще не известную во Франции. В 1872 г. он приобрел в Лилле недвижимость, в том числе фабрику, которая в 1878 г. выиграла приз Универсальной выставки, и дом на улице Принцессы, 9, где спустя 18 лет увидит свет его великий внук. Юлия Дэлано-Мэйо подарила мужу пятерых детей, в том числе и дочь Жанну. Отличительным признаком жизни в доме на улице Принцессы, который относился к приходу церкви Святого Андрея, были строгие религиозные ограничения¹¹. Детям запрещали танцы и визиты в театр. Юлия считала, что искусство должно служить единому Господу. Чтобы уберечь детей от соблазнов, родители предпочли домашнее образование. И хотя до 1889 г., когда пришлось продать фабрику, финансовых трудностей у них не было, семья вела скромную жизнь, граничащую с аскетизмом.

Брак с Анри де Голлем и переезд в большую парижскую квартиру на площади Святого Франциска Ксавьерского для 26-летней Жанны, казалось бы, должен был стать глотком свежего воздуха после религиозного лилльского затворничества. Но увы, история не всегда логична. Для своих пятерых детей: Ксавье (1887), Мари-Анес (1889), Шарля (1890), Жака (1893) и Пьера (1897), которые впоследствии подарили ей 23 внука, Жанна попыталась воссоздать в Париже благочестивую религиозную атмосферу, характерную для дома на улице Принцессы. Даже больше, старших детей мадам де Голль рожала обязательно в доме матери.

Так случилось и 22 ноября 1890 г. Крик младенца в ночи ознаменовал счастливое событие: Жанна в третий раз стала матерью. Шарль Андре Жозеф Мари был крещен в день своего рождения в приходской церкви Святого Андрея, где в свое время сочетались браком его родители. Крестными родителями стали профессор Католического института Лилля, дядя младенца Густав де Корби, который в 1912 г. унаследует дом на улице Принцессы, и тетя Люси Мэйо¹². Через несколько месяцев счастливая мать возвратилась к супругу в Париж. Но выступая по радио в 1982 г., адмирал Филипп де Голль подчеркнул, что для его отца Север был не только местом рождения, но и этикой, способом воспитания, мировоззрения¹³. В «Мемуарах надежд» сам Шарль писал: *«Как уроженец Севера, я питаю к этим людям особое уважение. К тому же мои братья Ксавье и Жак, а также мой зять Альфред Кайо были инженерами на шахтах»*¹⁴.

Шарль де Голль вырос в большой квартире в старой части Парижа на площади Святого Франциска Ксавьерского. В его комнате был небольшой балкон, с которого открывался вид на сквер и церковь, куда Шарль ходил каждое воскресенье и по праздникам¹⁵. Отец часто гулял с детьми, акцентируя их внимание на местах бывлой французской славы. Даже в «Военных мемуарах», в которых почти нет информации о детстве Шарля, находим следующие строчки: *«ничто так не поражало меня, уроженца Лилля, ребенком попавшего в Париж, как символы нашей*

славы: собор Парижской Богоматери, окутанный ночным сумраком, Версаль в его вечернем великолепии, залитая солнцем Триумфальная арка, трофейные знамена, колышущиеся под сводами Дворца инвалидов. Ничто не производило на меня столь сильного впечатления, как наши национальные успехи: народный энтузиазм при посещении Франции русским царем, военные парады в Лоншане, чудеса Всемирной выставки, первые полеты наших авиаторов»¹⁶. То есть мальчик по-настоящему влюбился в свой город и гордился историческим и архитектурным величием Парижа.

Однажды на прогулке с Ксавье, Мари-Анес и Шарлем отец купил каждому ребенку воздушный шарик. Только Шарль сумел сохранить свой до конца променада, что свидетельствует о внимательности и бережливости младшего из троих детей. Но перед самым домом шарик взлетел в небо, и расстроенный мальчик начал умолять: *«Вернись, шарик, вернись!»¹⁷*

На время летних каникул дети ездили в небольшое родовое поместье в Ля Лижери (Дордонь). Поскольку семья была большая, брали в поезде отдельное купе. Выходили на маленькой станции и на несколько недель окунались в размеренную сельскую жизнь.

Ключевой фигурой для будущего президента был отец. Анри де Голлю удалось привить детям убеждение, что священными институтами, которые следует уважать и защищать, являются церковь,

государство и армия. Верной помощницей в «церковной политике» была мать — ее стараниями 7-летний Шарль даже захотел стать католическим миссионером в одной из французских колоний. Вопрос только в том, о чем мальчик мечтал: о смирении и спасении заблудших душ несчастных аборигенов или об умножении престижа Франции и собственной славе? Судя по характеру и последующим действиям, вероятно, второй вариант.

Историки часто называли Анри де Голля «тоскующим монархистом»¹⁸, апеллируя к тому, что он после падения Второй империи в 1870 г. прекратил военную карьеру, отказался от престижного образования, преподавал в частных католических школах и не брезговал читать ультраправую прессу. К тому же в семье не считали 14 июля, годовщину взятия Бастилии, праздником, что и не странно, если учесть память о Жане-Батисте-Филиппе де Голле, узнике Революции. Похоже, истинное отношение Анри проявилось в его выступлении на выпускном банкете в коллеже Непорочного зачатия, где он работал: *«Нужно служить своей родине, даже когда она ошибается, ибо ее падение хуже, чем ошибка»*¹⁹. Анри всегда оставался верен себе и не шел на компромиссы с совестью. Убежденный католик, во время дела Дрейфуса 1894 г. он не побоился во всеуслышание заявить о невиновности этого офицера еврейского происхождения, что вызвало прохладное отношение к нему коллег по работе. То есть в этой системе ценностных координат каждый

имел право на политические предпочтения, но только до того момента, когда они могли нанести урон государству, вечной Франции, перед которой преклонялись и отец, и сын. Свидетельством чего есть строчки из «Военных мемуаров»: *«Я составил свое собственное представление о Франции, порожденное как разумом, так и чувством. В моем воображении Франция предстает как страна, которой, подобно сказочной принцессе или Мадонне на старинных фресках, уготована необычайная судьба. Инстинктивно у меня создалось впечатление, что провидение предназначило Францию для великих свершений или тяжких невзгод. А если, тем не менее, случается, что на ее действиях лежит печать посредственности, то я вижу в этом нечто противоестественное, в чем повинны заблуждающиеся французы, но не гений всей нации»*²⁰.

Любимой игрой Шарля были оловянные солдатики, с помощью которых воспроизводились великие битвы прошлого, и в первую очередь те, где побеждал Наполеон Бонапарт. Несмотря на то что был средним по возрасту, будущий генерал единолично распределял роли между своими братьями: *«Ты, Ксавье, — Австрия, Жак — Пруссия, Пьер — Италия. Конечно, я — Франция»*²¹. То есть любимую роль Шарлю всегда получалось оставить за собой. В чем секрет? Был ли у мальчика особый авторитет, заставляющий братьев подчиняться? Или, может, он был любимчиком родителей? Завесу

тайны приоткрыла их сестра Мари-Анес, которая спустя много лет призналась, что Шарль часто обижал младших братьев, а однажды даже кинул книгами в голову Пьера и не открывал двери матери, которая хотела помочь маленькому сыну²². Кроме того, мальчик редко слушался маму. Когда ему исполнилось шесть лет, он заявил, что хочет покататься на пони, а услышав отказ, устроил истерику, кричал, топал ногами, упал на землю. С отцом Шарль такого никогда себе не позволял.

Но такое поведение редко оказывалось ненаказанным. Наверное, наиболее показателен в этом контексте следующий случай. По настоянию матери подарки в семье де Голлей делали не на Рождество, как в большинстве парижских семей, а 6 декабря, то есть на День святого Николая, покровителя кружевников, глубоко почитаемого в Лилле. На этот праздник семья обязательно ехала в гости в дом на улице Принцессы. В 1891 г. Юлия Дэлано-Мэйо овдовела, но ее дом всегда был открыт для детей и внуков. Несмотря на почтенный возраст, из прислуги бабушка держала только кухарку и горничную, которые спали на чердаке. Она придерживалась строгих правил: детей пускали в салон только в исключительном случае, например прочитать собравшимся стихотворение²³. Зимой 1896—1897 гг. Шарль провел на попечении бабушки, поскольку трое его братьев подхватили скарлатину.

В День святого Николая случалась настоящая сказка. Накануне вечером дети готовили морковку

для его ослика и клали перед камином. На следующий день комната оказывалась закрытой на ключ. После просьбы родителей, адресованной святому Николаю, вернуть ключ — «ключ падал с неба», дверь открывалась, и все видели разложенные на стульях подарки. Но их получают только послушные дети, а 5-летний Шарль накануне так толкнул брата Жака, что тот упал. Поэтому вместо ожидаемой деревянной лошадки он получил от святого Николая письмо, в котором объявлялось, что его поведение не заслуживает подарка. Вероятно, родители понимали, что нельзя слишком сурово наказывать маленького ребенка, поэтому в конце послания была приписка, что если Шарль в течение месяца исправится, то лошадка к нему все-таки придет²⁴. А вот 25 декабря дети де Голлей получали только сахарное печенье с изюмом, что их сильно огорчало, особенно после того, как, став учениками и более тесно контактируя со сверстниками, они узнали, что большинство детей именно в этот день становятся счастливыми обладателями сюрпризов.

«Если появляется Шарль, покой исчезает», — говорили в семье²⁵. Средний ребенок и впрямь был самым активным и непослушным. С кем бы он ни играл — с братьями или деревенскими мальчишками, — неизменные войны оканчивались настоящим разгромом. В этой ситуации матери оставалось лишь надеяться, что школа все-таки дисциплинирует строптивого ребенка. Осенью 1896 г. перед 5-летним Шарлем открылись двери начальной религиозной

школы св. Фомы Аквинского на улице Гренель, которая стала его альма-матер до 1900 г.²⁶ Заведение отличалось строгими правилами и оценивало учеников не по происхождению, а по способностям. Преобразился ли мальчик моментально? Сложно сказать, потому что об этом периоде мало воспоминаний. Его одноклассники были слишком маленькими, чтобы обратить внимание на поведение будущего президента, а молчание учителей, похоже, свидетельствует о противоположном. Тем более что уже в солидном возрасте генерал признался внукам и внучатым племянникам: *«В начальных классах школы я никогда не учил уроков. Но этому не следует подражать!»*²⁷

Это отнюдь не означает, что мальчик ничем не интересовался. Его истинным пристрастием были книги и театр. Шарль «запоем» читал, можно даже сказать «глотал», произведения Редьярда Киплинга, Даниеля Дефо, Фенимора Купера, Жюль Верна, Александра Дюма, Вальтера Скотта. Начав с художественной приключенческой литературы, в юношеском возрасте он переключится на более серьезные, в том числе исторические, политические и философские произведения. Среди авторов, которые имели на него наибольшее влияние, следует отметить Луи-Филиппа Сегюра, Мориса Барреса, Шарля Пеги, Анри Бергсона и Анатоля Франса²⁸. Любовь к литературе останется с ним на всю жизнь: даже будучи перегруженным государственными делами на посту президента и страдая последствиями

удаления катаракты, де Голль будет находить время ознакомиться с большинством книжных новинок, и даже, если произведение ему понравится, лично написать об этом автору и поблагодарить его за труд.

Что же касается театра, то на рубеже XIX — XX вв. особой популярностью у парижских зрителей пользовались пьесы Эдмона Ростана «Сирано де Бержерак» (1897) и «Орленок» (1900), рассказывавшие о героических и трагических моментах французской истории. Шарль болезненно воспринял страдания малолетнего сына Наполеона Бонапарта — «Орленка», который после падения отца фактически оказался пленником венского двора. Наверное, билеты на этот спектакль, подаренные Анри де Голлем, стали лучшим сюрпризом на 10-летие Шарля²⁹. А монолог Сирано де Бержерака де Голль вообще выучил наизусть, что очень пригодится ему в Сен-Сире.

Врожденную неусидчивость мальчик с лихвой компенсировал прекрасной памятью и эрудицией, обеспеченной чтением и стараниями отца. В 1900 г. Шарль поступает в иезуитский коллеж Непорочно-го зачатия на улице Вожирар, где уже много лет преподает его отец и тремя годами раньше начал обучаться старший брат Ксавье. Эти два фактора — присутствие в учебном заведении отца и Ксавье — повлияли на поведение и отношение Шарля к учебе. Мальчик, во-первых, уважая отца и испытывая к нему искреннюю привязанность, не хотел огорчать его, а во-вторых, имея перед собой пример Ксавье, которого преподаватели называли как одного

из лучших учеников, решил догнать и перегнать его. Так впервые явно проявилось честолюбие, впоследствии характерное для де Голля. В коллеже Шарль познакомился с еще одним учеником — Жоржем Бернаносом, который позже активно поддерживал «Свободную Францию» из Латинской Америки³⁰.

Коллеж Непорочного зачатия был крупнейшим иезуитским учебным заведением во Франции — в начале XX в. там работали 42 преподавателя и получал знания 681 ученик. В иезуитских учебных заведениях были запрещены телесные экзекуции, так как считалось, что учеников нельзя касаться. Поэтому непослушных ожидали другие формы наказаний: приказ некоторое время стоять не двигаясь либо на одной ноге, а наиболее часто — лишение обеда или ужина³¹.

Учебный день был очень напряженным и начинался в 8 часов утра. Шарль учился на классическом греко-латинском отделении, где большое внимание уделялось религиозным дисциплинам и воспитанию. Ученики изучали Библию, труды отцов церкви и писателей Нового времени. Особенно детям нравились духовные прогулки в розарии, которые начинались в 16.30, и чтения в 19.15. Не меньшее значение иезуиты придавали изучению античного наследия. Шарль читал в подлиннике Гомера, Эсхила, Софокла, познакомился с произведениями древнегреческих историков Геродота, Фукидида, Диодора Сицилийского, Полибия и Плутарха, а также философов Сократа, Платона, Ари-

стотеля. Латинская культура нравилась де Голлю больше всего. Он с интересом разбирал «Энеиду» Вергилия, поэмы в стихах Овидия и Лукреция, труды Тита Ливия, Тацита, Сенеки и, конечно же, «Записки о галльской войне» Юлия Цезаря³², которым он восхищался как полководцем. Об усердии Шарля в учебе свидетельствует и то, что в 1906 г. он получил первую премию по французскому языку, математике, географии, а также истории.

Кроме успехов в учебе, де Голль испытывает себя на сцене и в литературном творчестве. В коллеже часто разыгрывались спектакли на религиозную либо историческую тематику. Шарль предпочитал роли монархов и герцогов, что благодаря царственной осанке и высокому росту удавалось ему особенно хорошо. Так, в 1903 г. он исполнил роль короля в исторической драме³³. Юноша размышлял о том, что способен воплотить поставленные перед собой цели: он один из лучших в учебе, прекрасен на сцене, так почему бы не попробовать себя на литературном поприще? В духе традиции он выбирает для себя псевдоним Шарль де Люгаль³⁴, под которым и будет творить в коллеже. Пока никого нет дома, мальчик читает и пишет, и не только стихи, которые мама грозит порвать, когда он не слушается. В 14 лет де Голль сочиняет небольшую повесть «Немецкая кампания», где представляет себя командующим французскими войсками, сражающимися против Германии³⁵. В пятнадцать лет он даже решил отправить пьесу в стихах «Дурные встречи» на конкурс.

Оргкомитет предложил Шарлю первую премию в размере 25 франков (в то время довольно большая сумма) или публикацию³⁶. Как вы уже догадались, он выбрал второй вариант.

Размеренный и, казалось бы, предопределенный учебный процесс в коллеже был внезапно прерван по религиозным причинам. Как мы уже знаем, религия была центром семейной жизни де Голлей, практикующих католиков. Родители очень серьезно относились к религиозному воспитанию детей. 16 мая 1901 г. Шарль отправился к первому причастию в часовне Непорочного зачатия на улице Вожиар, чему предшествовало шесть месяцев специальных занятий. На торжественную мессу прибыли родители, братья, сестра и многочисленные тетушки и дядюшки. Кто-то сказал, что в этот день закончилось беззаботное детство Шарля³⁷. В годы учения в коллеже мальчик активно участвовал в детском церковном хоре, а в 1907 г., сопровождая больных, совершил паломничество в Люрд, где даже стал свидетелем чудесного исцеления.

Поэтому принятие во Франции 9 декабря 1905 г. Закона о разделении церкви и государства, согласно которому страна перестала финансировать религиозные учреждения, а иезуитам вообще запретили преподавать, сыграло в семье эффект разорвавшейся бомбы. Анри де Голль оказался безработным, и ему не оставалось ничего другого, кроме как открыть вольные старшие курсы «Школа Луи де Фонтана»³⁸. Но что делать с сыновьями? Где мальчикам

продолжить обучение? Наиболее простым и бесплатным вариантом стали бы государственные светские учебные заведения, но это шло вразрез с основополагающими воззрениями семьи. И, как подметил Чарльз Вильямс, «Рим победил Париж»³⁹.

Апостольский престол даже разорвал дипломатические отношения с Францией, а большинство иезуитских заведений компактно «переселилось» в Бельгию. Королевство Бельгия было выбрано не случайно, поскольку там одной из правящих политических партий, наряду с либеральной, была католическая, а французский язык занимал доминирующее положение. Осенью 1907 г. Шарля отправляют учиться в Бельгию, где в Антуане (вблизи Турнэ) иезуиты открыли коллеж Святого Сердца Христова. Юноша записался в математический класс, где добился значительных успехов. Кроме того, Шарль уделял большое внимание изучению истории, географии и немецкого языка, столь нелюбимого в младшей школе, а по средам и субботам даже посещал дополнительные занятия по языку Гете. Кроме теории, Шарлю повезло получить прекрасный практический опыт общения: в июне-июле 1908 г. юноша гостил в Бадене у юре Ридерна, с которым не только принимал участие в мессах, но и осуществил паломничество в Швейцарию⁴⁰. Скорее всего, именно этот лингвистический опыт позволил де Голлю впоследствии общаться с канцлером Аденауэром практически без переводчика и готовить выступления на немецком языке. Ну а отцы иезуиты, учтя

достижения и способности выпускника, рекомендовали ему поступать в Политехническую школу в Париже.

Но у семнадцатилетнего де Голля были уже собственные предпочтения. Прошли те времена, когда он мечтал о карьере миссионера в далекой французской колонии. А работа инженера в юношеском воображении выглядела чрезвычайно скучной, негероической. Вспомним, что в семье чтили память героических предков-воинов, что в детстве мальчик обожал играть оловянными солдатиками, а позже даже написал повесть «Немецкая кампания». Поэтому оставалась только военная карьера. Но честолюбивый Шарль не хотел быть простым солдатом, он хотел ими управлять. К этому, как он считал, у него имелись все предпосылки: эрудиция, знание истории войн, физические данные. Недоставало только специализированной подготовки и диплома. Ставя высокие планки перед командирами: *«Подготовка к войне — это, прежде всего, подготовка командиров, и можно сказать, что армиям, как и народам, обладающим прекрасными командирами, все остальное будет дано с лихвой»*⁴¹, юноша считал приемлемым для себя только самое престижное учебное заведение — училище Сен-Сир, основанное в 1802 г. самим Наполеоном Бонапартом.

Но для этого нужно было упорно готовиться к экзаменам. 1 октября 1908 г. де Голль поступает в специальный подготовительный класс коллежа Станислас, девиз которого гласит: «Честь, Религия

и Родина». Он упорно занимается, как всегда много читает, пишет сочинения на различные исторические сюжеты, среди которых «Провинциальная администрация при Старом порядке», «Франция в 1802 г.», «Франкфуртский мир»⁴². Они свидетельствуют не только о незаурядных способностях автора, но и о величайшей заинтересованности военной историей.

Осенью 1909 г. Шарль с первого раза поступает в Сен-Сир, став 119-м из 221-го принятого. Это оказался отнюдь не посредственный результат, поскольку в тот год было почти 700 абитуриентов, а его товарищи де Сайи и Дитт были, соответственно, 147-м и 208-м⁴³. Но перед тем как стать полноценным «сираром», по закону от марта 1905 г. каждый курсант перед началом обучения должен был отслужить рядовым солдатом. Для исполнения этой обязанности Шарль выбрал 33-й пехотный полк, расквартированный на родном Севере в Аррасе. Там он безропотно, но без энтузиазма исполнял свой долг. Караулы, учения, строевая подготовка, подметание двора и непривычная казарменная обстановка... А главное, грубость и неотесанность солдат. Какой контраст с элитарными устоями семьи де Голлей, чопорностью дома на улице Принцессы и блистательностью учеников иезуитского коллежа! В редкие часы досуга Шарль утешался чтением произведений Альфреда де Виньи, который воспевал доблесть солдатской жизни. И все же было нечто, что формально отличало его от других солдат, — специальная нашивка, свидетельствующая о принадлежности

к Сен-Сиру. Поэтому когда его командира, капитана де Тюньи, спросили, почему он не отмечал прилежного солдата повышением, тот ответил просто: *«Неужели вы хотите, чтобы я назначил сержантом парня, который считает подходящей для себя роль главнокомандующего?»*⁴⁴ Похоже, молодой солдат не умел или не хотел скрывать собственные амбиции, рассматривая свое подчиненное положение как своеобразную инициацию на пути к карьере командира. Несмотря на то что капитан де Тюньи иронически называл де Голля «коннетаблем» (главнокомандующий в средневековой Франции), 16 апреля 1910 г. Шарль стал капралом, а 27 сентября, перед самым возвращением в Сен-Сир, — сержантом⁴⁵.

Дневное расписание в Сен-Сире было очень насыщенным. Аудиторные занятия по военной истории, географии, топографии, администрации и праву, фортификации и артиллерии сочетались с практикой в поле и усиленной физической подготовкой. Фехтование, гимнастика, верховая езда, стрельба в тире... Курсанты просыпались в 5.30 утра, в 6.00 уже завтракали. С 7.00 до полудня у них было два часа физических упражнений и теоретические занятия. После обеда в 12.00 до 16.30 у будущих офицеров была военная подготовка, а после до 19.00 — общеобразовательные предметы. В 19.00 они ужинали, и только с 19.30 до 21.00 им предоставлялось личное время. Для того чтобы юноши высыпались и восстанавливали силы, в 22.00 выключали свет⁴⁶. Училище позволялось покидать только по воскресеньям, по-

этому Шарль мог навещать родителей лишь раз в неделю. Если появлялись свободные час-два, молодые люди гуляли в сквере Сен-Сир-Эколь.

Свободное вечернее время Шарль проводил за чтением. Его интересы были разносторонними: поэзия, проза, исторические и философские труды. Благодаря урокам в Бельгии он мог в подлинниках читать Эммануила Канта, Георга Гегеля, Готлиба Фихте, Фридриха Ницше, Иоганна-Вольфганга Гете, Отто фон Бисмарка. Эти тексты вызывали у Шарля не просто теоретический интерес (его особенно захватила идея сверхчеловека Ницше), тут была и практическая подоплека. Сложно назвать де Голля того периода германофилом, принимая во внимание ряд исторических фактов. *Во-первых*, еще в 1882 г. Германская и Австро-Венгерская империи, а также Итальянское королевство сформировали военно-политический блок Тройственный союз, направленный и против Французской республики. *Во-вторых*, до 1907 г. создана Антанта в составе Франции, Великобритании и Российской империи, призванная противостоять Тройственному союзу. *В-третьих*, в начале XX в. разгорелся ряд локальных конфликтов между Францией и Германией в Марокко, которые стали предвестниками будущего мирового конфликта. Так, 31 марта 1905 г. Вильгельм II во время «морской прогулки» высадился в порту Танжер и провозгласил себя «защитником независимости Марокко», на которое недвусмысленно претендовала Франция. Новое обострение немецко-французских отношений

случилось в сентябре 1908 г., когда сотрудники немецкого консульства в Касабланке посодействовали побегу шестерых солдат французского Иностранного легиона. В марте 1911 г. Германия направила в Агадир два крейсера и канонерскую лодку, и только благодаря помощи Великобритании Марокко стало французским протекторатом. Поэтому не вызывает сомнений, что Шарль де Голль прилагал массу усилий к тому, чтобы хорошо изучить будущего врага, которого он вовсе не недооценивал.

Каждый первокурсник должен был пройти неофициальную инициацию, подготовленную «дедами». Благодаря высокому росту (1,93—1,94 м) и яркой внешности де Голль сразу оказался в центре внимания. Прозвища появились моментально: Коннетабль (наследство капитана Тюньи), Длинный Шарль, Двухметровый Шарль, Дылда, Индюк и даже Король в Изгнании. А после инициации появилось еще одно, притом с театральным привкусом. Заметив длинный нос де Голля, первокурснику поручили исполнить монолог о носах из пьесы Ронсана «Сирано де Бержерак». Взобравшись на стол, Шарль прочитал его наизусть, ни разу не запнувшись, благодаря чему стал признанным Сирано⁴⁷. В одном из аматорских спектаклей он с успехом играл роль жениха на деревенской свадьбе, иногда ему поручали роль клоуна.

Но из-за своего вспыльчивого характера Коннетабль приобрел недоброжелателей. Один из преподавателей дал ему такую характеристику: *«Отличается средними данными во всех отношениях,*

за исключением роста»⁴⁸. А по свидетельствам полковника Фулькрона Суле, однокашника де Голля, этому Большому Черту плохо удавалось стрелять, а фехтование он вообще считал несерьезным и для XX в. устарелым занятием, которое не принесет реальной пользы на поле брани⁴⁹.

Но все же незаурядная эрудиция и настойчивость Шарля де Голля сделали свое дело. В его учетной карточке значилось:

«Поведение — безупречное. (А вспомним его в детстве!)

Способности — очень яркие.

Воспитание — хорошее.

Характер — прямой.

Осанка — очень красивая.

Усердие — очень большое.

Военная сноровка — очень развитая.

Внешность — симпатичный.

Способности к переходам — очень хорошие.

Сопrotивление усталости — большое»⁵⁰.

И это при том, что, учитывая очень высокий рост и худощавое телосложение, физические нагрузки требовали от Шарля больших усилий.

10 октября 1912 г. де Голль окончил Сен-Сир в звании младшего лейтенанта. Заняв почетное 13-е место среди 211 выпускников, он получил право самостоятельно решать, где хочет служить. В его аттестации значилось: *«Настоящий военный. Очень добросовестный и преданный своему делу. Командует спокойно и энергично. Будет великолепным*

*офицером»*⁵¹. Как и большинство (60 % сен-сирцев), он выбрал пехоту и уже знакомый 33-й полк⁵², где командовал полковник Филипп Петэн, который станет знаковой фигурой в его жизни. Но теперь де Голль отправлялся в Аррас не как обычный оловянный солдатик, а офицер. Перед отправлением он принял обязательную по тем временам присягу, что никогда не будет заниматься политикой: военные в Третьей республике даже не могли голосовать, то есть были лишены как активного, так и пассивного избирательного права⁵³.

Став единственным профессиональным военным в семье (Ксавье и Жак выбрали карьеру инженеров, а Пьер еще получал среднее образование), Шарль де Голль реализовал мечту отца, который считал, что армия являлась наименее запятнанным государственным институтом, равноценным католической Церкви, и успокоил мать, которая наконец увидела своего строптивого сына-сорванца воплощением дисциплины и порядка. Перед юным, но самоуверенным младшим офицером открывалась новая глава...